

Вступление Оша в новый этап своего исторического развития

Ненавистная ханская власть сброшена

К «священной войне» против русских призвал Худояр хан, хан Коканда. В 1875 г. русские войска под командованием генерала Скобелева, разгромили войска хана. Против хана поднялся заговор и ему пришлось вместе со свитой бежать в русский лагерь. В феврале 1876 г. Кокандское ханство было ликвидировано и включено в состав Ферганской обл.

Генерал Скобелев.

Худояр хан.

Непосильный налоговый гнет, принудительные трудовые работы, а также жестокие расправы хана и его военачальников не только над терпевшими временные поражения повстанцами, взятыми в бою пленными, но и над жителями мирных киргизских айлов побуждали киргизов, кочевавших вокруг Оша и других городов и селений в Восточном Приферганье, вновь и вновь направлять депутации к русским властям с просьбами о защите и принятии их в российское подданство. Так, после взятия царскими войсками Уч-Кургана в Андижан к русскому командованию съехались «все знатные люди Маргелана», а его бек возглавил представителей городского населения и депутации из Оша, Узгена и Коканда. Они единогласно «заявили об арестовании своих беков, не желающих покориться русской власти и об изгнании из городов войск» хана.

С новой силой восстание вспыхнуло в ряде киргизских и узбекских районов осенью 1875 г. После бегства Худояр-хана в Ходжент на престол сел его сын Насреддин-хан, сразу признавший себя вассалом туркестанского генерал-губернатора. Но некоторые отряды, предводительствуемые реакционными феодалами и духовенством, не желали подчиняться России. Тогда царские власти направили, наконец, свои войска в пределы ханства. Разгромив эти отряды под Махрамом, войска уже без боя заняли столицу ханства —

Коканд. Боясь народного гнева, бежал в Ходжент и Насреддин-хан. Вскоре царские войска заняли город Маргелан. Отсюда сформированная полковником Скобелевым летучая колонна двинулась к Ошу и вступила в него 10 сентября 1875 г.

Жители Оша во главе с городскими аксакалами не только не оказали русским войскам сопротивления (при наличии в городе пушек и вооруженных ханских солдат), но и встретили иноверцев «с достарханом» — традиционным восточным хлебом-солью. Получив по первому требованию начальника колонны все имевшееся в городе вооружение и 114 свежих лошадей для смены загнанных, а также мясо и лепешки для солдат, фураж для лошадей, отряд уже на второй день выступил обратно к Маргелану. Жители лежащих на его пути селений дружелюбно встречали русских. Ненавистная ханская власть была сброшена. Ханы бежали — теперь нужно было решать будущее края. И тогда в декабре 1875 г. туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман внес правительству предложение о присоединении территории бывшего ханства к России. Военный министр Д. А. Милютин наложил 15 января 1876 г. резолюцию: «Секретно. Государь император ввиду разъясненной генерал-адъютантом фон Кауфманом необходимости решительных мер для обеспечения порядка и спокойствия в пограничной части Сыр-Дарьинской области высочайше разрешил занять и остальную часть Кокандского ханства, когда генерал-адъютант фон Кауфман признает это необходимым».

Действия туркестанского генерал-губернатора не заставили себя ждать. В Фергане уже находились войска под командованием М. Д. Скобелева. Повстанцы, изгнав ханов, возвращались к мирной жизни. Ханство под натиском всенародного восстания прекратило свое существование. 18 февраля 1876 г. по всем населенным пунктам бывшего Кокандского ханства представители русских властей объявили о ликвидации ханства, территория которого, включая южнокиргизские районы, вошла в состав Туркестанского края.

Завоевание Россией Южного Кыргызстана

В середине XIX века население Южного Кыргызстана все еще находилось под игом Кокандского ханства. Однако политическая обстановка и положение ханства уже не были такими прочными, как раньше. Внутренние противоречия, непрекращающиеся дворцовые перевороты, с одной стороны, усугубляли и без того тяжелую ситуацию в ханстве, а с другой — облегчали для России задачу завоевания Ферганской долины, Южного Кыргызстана в целом.

Алымкул аталык. В политической и государственной жизни Кокандского ханства этого периода по-прежнему не последнюю роль играли кыргызский народ и его видные лидеры.

Особенно выделялся среди них Алымкул Асан-бий уулу. Он получил образование в медресе. За доблесть, проявленную при возведении в 1858 году на кокандский престол Малля-хана, Алымкул был удостоен высокой военно-административной должности — эшик-ага. Позже, в 1862 году, когда ханом стал 12-летний Султан-Сейид, Алымкул стал ближайшим советником юного хана — аталыком. Это означало, что власть в Коканде была по существу сосредоточена в руках Алымкула аталыка. Этот период по времени совпадает с проведением русскими войсками захватнической кампании в Центральной Азии.

Алымкул, возглавив кокандскую армию, нанес сильный удар по царским войскам под Чимкентом. В 1865 году, во время обороны Ташкента от русских, Алымкул аталык демонстрирует невиданную отвагу. С присущей ему решительностью он возглавил атаку слабо вооруженных и малочисленных кокандских воинов и заставил отступить сильного врага. В разгаре боя один из телохранителей, оказавшийся предателем, выстрелил ему в спину. Рана оказалась смертельной. Алымкулу аталыку, героически погибшему в бою за свою страну, было всего 36 лет. Потеряв вождя, кокандские воины отступили. Русские заняли Ташкент и образовали подчиненную Российской империи Туркестанскую область.

Восстание Пулат-хана. В XIX веке кыргызы не раз поднимали восстания как против гнета Кокандского ханства, так и против завоевательной политики русского царизма. Борьбу, начатую кыргызами, всегда поддерживали жившие по соседству узбеки и таджики.

Восстание 1873—1876 годов известно в истории под названиями “Народное движение”, “Кокандское восстание”, “Восстание Пулат-хана”. Его возглавил простой кыргызский джигит по имени Исхак Хасан уулу. В детстве Исхак получил образование в медресе. Некоторое время был религиозным служителем, затем перебрался в Андижан, где стал джигитом у известного в Коканде Абдымомуна аталыка. Ему он обязан своими знаниями, в том числе политическими. Исхак был крепким, решительным и энергичным парнем. Его видная внешность, ум и знания как нельзя лучше соответствовали представлениям восставших об идеальном правителе. Народ нарек его Пулат-ханом и провозгласил ханом. Узбеки, таджики также поддержали его и присоединились к восстанию.

Худояр-хан, замучивший народ поборами и налогами, причинивший много страданий и бед своей жестокостью, был изгнан. Он бежал в Туркестанское генерал-губернаторство и запросил помощи.

Только и ожидавшие этого царские войска объявили власть Пулат-хана незаконной и вступили на территорию ханства. Начавшись как народное, восстание превратилось в освободительную борьбу с иноземными захватчиками, после того как Худояр-хан призвал на помощь царские войска. Повстанцы увидели в них защитников ненавистной ханской династии и стали оказывать сопротивление.

Русские войска жестоко расправлялись с восставшими. Жертвами кровавой бойни стал простой народ, женщины и дети. Люди гибли, но отказывались подчиниться. Только после того, как Исхак был захвачен, а 1 марта 1876 года публично повешен, народное восстание стало затихать. В историю Исхак вошел как истинный народный предводитель. Несмотря на сломанную ногу, он сам дошел до виселицы и встретил смерть с достоинством, как подобает герою. Память о Исхаке до сих пор жива в народе.

Присоединение к России алайских кыргызов.

После подавления восстания Пулат-хана Кокандское ханство прекратило свое существование. Его владения вошли в созданную Ферганскую область и стали частью Российской империи. И только горный район Алая, входивший в Кокандское ханство, оставался еще непокоренным. Перед царскими войсками была поставлена задача — завоевать его. Возглавил поход кровавый генерал М. Д. Скобелев, который говорил: “Спокойствие в Азии прямо связано с количеством погибшего там народа и отрезанных голов”. Курманджан датка была женой правителя алайских кыргызов Алымбека датка. Они прожили 29 лет, и все это время Курманджан была ему советчицей и другом. Когда в результате дворцового переворота в Коканде Алымбек датка был убит, Курманджан унаследовала его власть. Высоко оценив ее политическую деятельность и авторитет, эмир Бухары присвоил ей титул датка. Эта женщина благодаря своей мудрости предотвращала межплеменные раздоры, что позволяло ей быть независимой от Кокандского ханства.

Последние монархические очаги восстания феодалов, стремившихся сохранить ханскую власть в Коканде и объявивших под влиянием фанатиков мулл «газават» — войну против неверных (русских), были подавлены вооруженными отрядами царской армии. Мирное население отошло от борьбы, призывало и повстанцев прекратить сопротивление. 24 февраля генерал Г. А. Колпаковский в телеграмме сообщал: «30 джигитов с жителями Маргелана, Оша и кара-киргизами, высланными по распоряжению генерала Скобелева на поимку Пулат-хана, захватили его после перестрелки в ночь с 18 на 19 февраля в Алайских горах». Вскоре, 1 марта, он был публично казнен как «самозванец».

Весною и летом 1876 г. царским войскам, в том числе и расквартированным в Оше, все же пришлось подавлять последние очаги сопротивления проханской феодально-клерикальной верхушки на Алае. До конца не желал подчиниться со своим отрядом и старший сын Курбанджан-датхи Абдуллабек. 16 марта 1876 г. генерал Колпаковский телеграфировал из Ходжента в Ташкент туркестанскому генерал-губернатору Кауфману: «Кара-киргизские роды под водительством Абдуллабека, ныне сосредоточенные в Гульче, не изъявляют еще покорности. Должно ожидать, что после перекочевки на Алай, которую они предпринимают через две недели, кара-киргизов трудно будет подчинить нашей власти. Посылаю в Ош генерала Скобелева...».

Район Гульчи, по донесению М. Д. Скобелева, представлял собой основное место зимовки киргизов рода барга, которые на лето уходили далее вверх по р. Гульча на Чон-Алай. Гульча была как бы перекрестком всех дорог горной части Ошского уезда.

Отсюда дороги шли одна на Ош, другая — на Узген, третья — на Суфи-Курган, разветвляясь потом в двух направлениях — на Терек-Даван и Чон-Алай. «Таким образом, — писал на основании донесения М. Д. Скобелева туркестанский генерал-губернатор Кауфман военному министру, — помимо своего важного экономического значения, Гульча есть пункт, фактическое обладание коим, запирая выходы из гор, ставит кочующих в горах кара-киргизов в прямую от нас зависимость».

Представители киргизских родов стали приходить к М. Д. Скобелеву «с аманом» — предложениями мира. Тот принимал их тепло, хорошо встретил и Курбанджан-датху, в горы к киргизским отрядам были направлены посланцы с письмами, в частности, с письмом Курбанджан к Абдуллабеку. И в дальнейшем продвижении по Алаю, как писал М. Д. Скобелев, «жители окрестных айлеов встречали всюду наши войска с редким радушием».

Отдельные феодалы, так и не пожелавшие подчиниться российским властям, в том числе и Абдуллабек, бежали сначала на Памир, где некоторые и остались во владениях каратегинского шаха, а другие ушли в Афганистан, и среди них Абдуллабек.

Надо сказать, что экспедиция Скобелева на Алай кроме военных задач выполняла и ряд политических и научных. Вот как подвел итоги месячному походу в 1876 г. сам М. Д. Скобелев:

алайские киргизы, прежде «не признавшие ничьей власти», стали российскими подданными;

определилась российско-кашгарская граница (кстати сказать, по линии теперешней советско-китайской границы);

«открыты совершенно неведомые европейцам страны», нанесены на карту около 25 тыс. квадратных верст, определено 11 астрономических пунктов;

проведена барометрическая нивелировка отдельных участков, определено магнитное склонение на пяти пунктах;

«произведены естественно-исторические исследования и собраны коллекции из царства животного и растительного».

Одновременно с решением политических задач и научными исследованиями решались задачи экономические— ослабление налогового гнета, расширение торговли, велось строительство колесной дороги Ош — Гульча.

Город Ош, ставший уездным центром Ферганской области, вступал в новый этап своего исторического развития.

Просьбы повстанцев о принятии их в подданство Царской России

Приведем еще одно извлечение из письма восставших киргизов к Джурабеку, имевшему дружественные отношения с генерал-губернатором Кауфманом (апрель 1874 г.): «Как Вам известно, все кара-киргизы, подведомственные Коканду, считаются подданными Худоярхана. Притеснения, гонения, страшные казни, как-то: сажание на кол, которому подвергаемся мы со стороны хана, и наказания палками принудили нас отпасть от хана и принять враждебное положение в отношении его.

Рода означенных кара-киргизов: мундуз, кутчи, утуз-оглы, туялас, найман, кызыл-аяк, нуйгут, киргиз-кипчаки, адыгене, ахтачи, бури и барчи, га исключением афтобачи; численность киргизов и кипчаков доходит до 200 тысяч кибиток. Не желая из приличия беспокоить Вас, мы до сего времени писали и посылали людей своих к Абдукаюм Саркеру (в Ходжент). Нечаянно встретили одного из Ваших людей Абдукаюм Караулбеги, который передал нам милостивые слова Ваши и порадовал нас.

Пользуясь этим случаем, сообщаем, что положение кара-киргизов Вам хорошо известно. Если будет возможность и не составит для Вас труда, доложите обо всем вышеизложенном генерал-губернатору. При согласии его превосходительства, мы, несчастные кокандские подданные, могли бы избавиться от тиранства Худояр-хана и найти спокойствие».

Окрестные жители присоединились к повстанцам. Они напали на Араван и осадили цитадель г. Ош. Ханский наместник из Оша бежал за помощью. Вскоре по-дошли ханские войска под командованием сына казненного Худояром Мусульманкула Абдурахмана афтобачи, и восстание было подавлено. Повстанцы бежали в горы, но не прекратили сопротивления. Наиболее ожесточенная борьба проходила там, где восстание возглавляли народные вожаки. Одним из них был признанный предводитель повстанцев Мамыр Мергенов. Тенденциозные кокандские хроники отмечали, что он был из киргизского племени мундуз, кочевавшего в окрестностях Оша — в Уч-Кургане и Избаскенте. Стараясь опорочить предводителя повстанцев, ханские авторы писали, что он собрал вокруг себя «несколько воров», которые «захватили сборщиков зякета, избили их и конфисковали деньги». Все это свидетельствует о социальной направленности восстания, настоящем организованном движении, во главе которого стоял выходец из трудовых слоев.

Не имея пока достаточно сил для победы над Худояр-ханом и не получив поддержки от туркестанских властей, восставшие киргизы пишут письма с просьбой о разрешении переселиться им в пределы России, в Кетмень-Тюбе и Центральный Тянь-Шань, заселенные их «родственниками», которые были уже подданными России. В этом повстанцы видели пока единственный путь избавления от ненавистного ханского ига.

Приведем письмо восставших киргизов племени мундуз к исполнявшему обязанности генерал-губернатора Туркестанского края Г. А. Колпаковскому, отправленное в мае 1874 г.

«Как мы, так и наши доверители, в прошлом году откочевали из Кокандского ханства в Токмакский военный округ, дабы спастись от преследований кокандского ига, который (хан. — авт.) немилосердно казнил наших киргизов и грабил наше имущество. Мы поселились недалеко от г. Токмака в местности, называемой Кетмень-Тюбе, Тогуз-Торо, но тут нас начали притеснять и гнать жившие там киргизы родов керимбек и чура буатай. Мы же, не желая возвращаться в Кокандское ханство, где нас неминуемо ждет смерть, просим... о принятии нас и наших доверителей под свое высокое подданство, об отводе нам и нашим доверителям места для кочевий.

В нашем роде мундузидят находится две тысячи кибиток, которые поголовно принимают подданство России. Мы бы давно явились к Вашему высокопревосходительству, но нас караулили и не пускали в Ташкент, так что мы только теперь можем тайком приехать сюда и лично просить... у Вашего высокопревосходительства о всем вышеизложенном»

Не дожидаясь официального, ответа, повстанческий отряд во главе со своим предводителем Момунуном со всем родом перекочевал в пределы российских границ. Но царские власти с неудовольствием смотрели на такого рода «своевольные» вселения восставших киргизов. Предводитель повстанцев Момун был интернирован царскими властями и сослан. В просьбе было отказано, и повстанцы вновь возвратились в ханство, поселившись в местах своих прежних кочевок — в окрестностях Оша, Кара-Су, Уч-Кургана.

С аналогичной просьбой обращался к российским властям непосредственно и Мамыр Мергенов. Но все просьбы тогда были отклонены. Царские власти еще надеялись спасти ханский режим и не спешили откликаться на просьбы повстанцев о принятии их в подданство.

Вынужденные возвращаться на прежние места повстанцы становились жертвами жестокой расправы со стороны ханских ставленников. Взятых в плен повстанцев по 5—7 человек рассылали по кишлакам, где их сажали на кол в устрашение другим.

Захваченных на пашнях женщин и детей жестоко истязали, после чего убивали.

Ош. Революционные события 1905—1907 гг.

Революционные выступления рабочих, горожан и дехкан на юге Киргизии в 1905—1907 гг. были составной частью первой народной революции в России периода империализма.

После событий Кровавого воскресенья— 9 января 1905 г. в Петербурге под влиянием охватывавшего всю страну революционного подъема в общий поток демократических сил вливалось растущее национально-освободительное движение. Вместе со своими русскими

братьями на борьбу против царизма поднялись рабочие и крестьяне Средней Азии и других национальных районов.

Уже начало забастовочного движения туркестанских рабочих, в том числе весенние забастовки шахтеров в Кызыл-Кия и Сулюкте, сопровождалось волнениями киргизского и узбекского дехканства в Восточном Приферганье зимою (в связи с голодом) и весной 1905 г. Они вспыхивали во время перевыборов айльно-волостной администрации, при попытках кулаков-колонизаторов и переселенческих чиновников отбирать общинные киргизские земли. Так, протестующие против гнета и насилия бай-манапов и царских властей дехкане сорвали выборы низовой киргизской администрации в Булак-Башинской волости Ошского уезда, в Багышской и ряде других волостей Наманганского уезда. А в Базар-Курганской волости Андижанского уезда дехкане открыто заявили царским властям, что они хотят видеть в управлении волостями своих людей, а не лиц, «вылезших на глаза благодаря случайности и зажиточности».

Когда под давлением рядовых общинников 21 марта выборщики-пятидесятники избрали в Турукской волости Ошского уезда не ставленника киргизской феодально-родовой верхушки и уездных властей, а своего представителя, то ферганский военный губернатор не утвердил результаты выборов. В других случаях, как, например, в с. Кырчин Кугартской волости Андижанского уезда, волнения дехкан подавлялись силой. То была своеобразная форма борьбы киргизских трудящихся за демократизацию низового управления на местах.

Революционный вихрь первой народной революции в России находил живой отклик как среди переселенческого, так и среди коренного населения Туркестанского края: оседлых жителей, кочевников и полукочевников, сочувственно относившихся к освободительному движению народов России и поддерживавших его своими выступлениями. Это подтверждается сведениями из документальных материалов, даже исходящих от уездно-городских властей, стремившихся зачастую представить в донесениях вышестоящему начальству положение на местах как благополучное и спокойное. Правда, однако, и то, что вследствие постоянно предпринимаемых царской администрацией «охранительных» мер в 1905 г. в Оше, в отличие от Пишпека и других более развитых в промышленном отношении уездных городов Ферганской области и областного центра — Нового Маргелана не происходило открытых политических митингов, равно как и демонстраций или шествий по улицам города «с противоправительственными речами». Причина вполне ясна: отсутствие в Оше компактной массы промышленных рабочих и социал-демократической организации в этот период. Последнее, однако, не означает, что Ош оставался без внимания революционной социал-демократии Ферганы и Ташкента: 10 июня 1905 г. унтер-офицером 10-го туркестанского стрелкового батальона, стоявшего в Оше, была получена по почте изданная в Ташкенте прокламация, составленная от имени ташкентской группы Российской социал-демократической рабочей партии.

Ташкентские большевики призывали солдат Оша «присоединить свой голос к товарищам саперам».

LES DANSES DES BATCHA PENDANT LE SALI-NAOU A AFRASIAD.

Если в 1905 г. в Оше не происходило массовых выступлений трудящихся, то от «недремлющего ока» властей, зорко следивших за общественным мнением, не укрылись случаи свободных разговоров по известиям «крайних» (левых) газет среди жителей города, чего -не наблюдалось прежде. Следовательно, антиправительственные революционные издания, в том числе и социал- демократическая печать, доходили до демократически настроенной части горожан, которая обсуждала злободневные события политической жизни страны, выражая свое сочувствие революционной борьбе русского пролетариата.

В противоположность прогрессивной общественности города торгово-промышленная и чиновничья верхушка Оша поддерживала программу кадетского «Союза 17 октября». Среди жителей «старого города», по мнению властей, ранее якобы пассивно относившихся к политической жизни, теперь велись разговоры о предстоящих выборах депутата в Государственную думу. В кругах национальной буржуазии и мусульманского духовенства находила отклик «петиционная кампания» — попытка выторговать у царизма мелкие уступки.

Весною и летом 1905 г. в ряде мест Ошского уезда, как и в других районах Ферганской области, участились волнения среди киргизского населения в связи с выборами низовой администрации 68. В «беспорядках» при выборах в с. Кашгар-Кишлак Андижанского

уезда, устраненных с помощью военной силы, принимали участие киргизы-кочевники из предгорного аила Массы (ныне центр Ленинского района Ошской области). Беднота отвергла байского ставленника и выдвинула популярного в народе кандидата Х. Авазова, судимого ранее за сопротивление властям. Однако уездная администрация не утвердила его избрание, назначив волостным угодного им Х. Халимбаева, что вызвало резкое возмущение рядовых общинников.

По указанию военного губернатора уездные начальники предприняли ряд охранительных мер, опасаясь массовых выступлений киргизского, узбекского и таджикского трудового населения в области. В ответ на замеченное среди киргизов брожение, вызванное, по мнению низовых властей, доходящими до них слухами «противоправительственного характера», 27 апреля 1905 г. ошскому и другим уездным начальникам был направлен секретный циркуляр об усилении надзора за коренным населением, а в случае появления агитаторов — о немедленном принятии мер к их аресту и высылке.

Помимо борьбы за демократизацию низовой администрации, киргизские дехкане проявляли недовольство налоговым гнетом. Не удивительно, что в мае 1905 г. среди ошских киргизов даже распространился слух о якобы имевшем место «бунте» против налогов среди их соотечественников в Семиречье.

Дехкане Ошского и других уездов Ферганской области также выступали против изъятия общинных земель в колонизационный фонд. Настойчивые слухи о том, что земли киргизов-кочевников будут отобраны под переселенческие села, уездные власти сочли необходимым пресечь специальным разъяснением «прав» киргизов в вопросах землепользования. Эти факты свидетельствуют о том, что администрация вынуждена была прислушиваться к общественному мнению трудового дехканства и реагировать на это репрессивными мерами.

Борьба трудового дехканства за землю была одним из проявлений обостряющихся социальных противоречий в аиле. Киргизское население Андижанского уезда прогоняло чиновников-землемеров, не позволяя вести работы по изъятию его земель под видом «излишков» в колонизационный фонд. Так было, например, 20 июня 1905 г. вблизи с. Массы Избаскентской волости этого уезда (ныне с. Ленин-Джол Ленинского района Ошской области). Негодующая дехканская беднота Ошского и других уездов Ферганской области неоднократно подавала жалобы царским властям, протестуя против изъятия общинных земель и требуя их возвращения.

Летом и осенью 1905 г. революционное движение в южных районах Киргизии, как и в целом по Туркестанскому краю, продолжало нарастать. Оно проявлялось в различных формах борьбы трудящихся против двойного гнета и серьезно тревожило царскую администрацию. Ноябрьская (1905 г.) забастовка туркестанских связистов заставила власти Ошского и других уездов нанимать специальных джигитов для перевозки служебной и военной почты.

Под влиянием агитации туркестанских социал-демократов в ноябре — декабре 1905 г. происходили забастовки горнорабочих и волнения среди солдат в ферганских городах, в том числе и среди солдат 9-й роты в Оше. Предпринимались попытки создания военно-революционных организаций в туркестанских гарнизонах. Как вынуждено признавали царские власти в крае, будоражили киргизских кочевников слухи о революционных событиях «пятого года» в России, и дух свободы долетел до самых глухих, отдаленных аилов. Об этом, в частности, рапортовал начальству 14 декабря 1905 г. начальник Гульчинского гарнизона.

С подавлением Декабрьского вооруженного восстания московских рабочих — вершины буржуазно-демократической революции — царизм повсеместно ужесточил свою карательную политику. Но и в условиях спада революционного движения в 1906—1907 гг. в Туркестане, включая южнокиргизские районы, продолжались разрозненные аграрные выступления трудового дехканства. Встревоженная этим бай-манапская верхушка из Наманганского и других уездов Киргизии собралась на свой съезд летом 1906 г. в Кетмень-Тюбе, чтобы выработать меры против волновавшейся безземельной букары. И царские власти Ферганской и Самаркандской областей неоднократно и с тревогой отмечали даже рост нападений дехканской бедноты на своих угнетателей. В их числе — покушение на бия (судью) в Майли-Сайской волости Андижанского уезда в ноябре 1906 г., совершенное, по мнению администрации, «по политическим мотивам». Население по-прежнему отказывалось платить царские налоги, в связи с чем возрастала сумма так называемых недоимок (особенно по Ходжентскому уезду Самаркандской области), саботировало исполнение многочисленных казенных повинностей.

В 1906 г. нарастала активная агитационно-пропагандистская деятельность социал-демократов среди ошской городской бедноты, демократически настроенной интеллигенции. Это связано, в частности, с высылкой сюда поднадзорных революционеров — Д. Е. Чуракова, В. В. Особо и других участников раскрытого подпольного кружка среди солдат Маргеланского гарнизона, а также с поездкой по ферганским городам видного большевистского агитатора и пропагандиста В. В. Быховского. В начале 1906 г. буровой мастер Дмитрий Егорович Чураков, член РСДРП с 1902 г., был выслан из Баку в Ош на поселение под надзор за участие в революционном движении бакинского пролетариата. Но и на новом месте он не прекращал революционную деятельность, выезжал из Оша на нефтепромыслы в Чимион и другие пункты Ферганы для налаживания связей с передовыми рабочими и местными социал-демократами. В конце года, когда начались репрессии против членов социал-демократической группы и среди солдат Ошской ссыльной роты, он попадает за решетку как активный член этой группы, деятельность которого не могла не быть замеченной властями.

Революционное брожение среди горожан и сельских жителей из среды коренного населения в Ошском и других уездах Ферганы не давало покоя царским властям. Это обстоятельство вызвало появление 11 января 1906 г. нового секретного циркуляра ферганского военного губернатора ошскому и другим уездным начальникам, а также полицмейстерам городов, подтверждающего вновь «необходимость зорко следить за настроением в нынешнее тревожное время» и в случае появления среди него агитаторов с целью возбуждения населения против правительства, доносить немедленно о том губернатору, принимая все возможные меры к устранению их влияния на население. Напуганный крупными выступлениями рабочих и волнениями среди распропагандированных социал-демократами солдат местных гарнизонов, Оша в том числе, военный губернатор области, не довольствуясь длительно действующим положением об усиленной охране, добился введения с 17 сентября положения о чрезвычайной охране в области с

предоставлением ему прав главнокомандующего. Ферганская администрация использовала войска, в том числе и ошского гарнизона, для предупреждения и подавления народных волнений. Так, когда в Туркестан прибыл по специальному поручению царя генерал Максимович, для демонстрации сил царских властей на смотр в Фергану были вызваны и войска из Оша. А когда в Оше были получены панические известия о нападении киргизов на почтовую станцию Ак-Босого (по дороге в Кашгар), туда, не дожидаясь подтверждения, из города была направлена военно-охотничья команда.

Несмотря на поражение первой российской революции, ее политические уроки и опыт не прошли даром для трудящихся масс страны, повсеместно сохранивших верность революционным традициям «пятого года». По известному определению В. И. Ленина, революция 1905—1907 гг. послужила «генеральной репетицией» Февраля 1917 г. и победы Великого Октября.

Хотя народные выступления в 1905—1907 гг. в Туркестане и на юге Киргизии властям и удалось подавить, но причины, вызвавшие их, не были устранены. Выступления трудящихся против угнетателей не прекратились в годы реакции и нового революционного подъема. Жестокие репрессии против социал-демократов Оша в начале 1907 г. нанесли заметный урон развитию революционного движения в городе, хотя они и не могли заглушить острого недовольства трудящихся социальным и национальным гнетом и пресечь появления новых революционеров. Немногие сохранившиеся документы свидетельствуют о проявлениях протеста со стороны представителей коренного населения против царских властей и местной эксплуататорской верхушки. Так, уже в 1908 г. распоряжением туркестанского генерал-губернатора были высланы за пределы края сроком на 5 лет трое жителей г. Ош «как люди вредные и неблагонадежные в политическом отношении».

Осенью 1909 г. большое возбуждение царило в городе в связи с бунтом 9 сентября арестантов Ошской городской тюрьмы, протестовавших против нечеловеческих условий заключения (в камерах-душегубках, рассчитанных на 60 человек, власти держали 115 осужденных), жестокого обращения начальника тюрьмы и надзирателей. В результате схватки с тюремной охраной пострадало 10 человек из числа надзирателей и охранников и было убито 10 арестантов и 9 ранено. Это стихийное выступление без поддержки извне было жейсточайше подавлено властями, а состоявшийся затем в Оше военно-полевой суд

приговорил 11 человек заключенных к смертной казни и 19 — к каторжным работам в Сибири на срок от 6 до 20 лет. В числе осужденных были и жители окрестных киргизских и узбекских селений.

В 1910 г. среди горожан Оша произошли волнения в связи с выборами мудариса — преподавателя в одном из духовных училищ; а в конце года — за «дерзкое» оскорбительное выражение в адрес царя был осужден житель Оша Рахматулла Абдул Вагапов. Свою ненависть к царю-палачу трудящиеся Киргизии проявили и в 1913 г., отказываясь вывешивать портреты Николая II «кровавого» в честь 300-летия династии Романовых. Таковы факты о проявлениях революционного движения среди трудящихся г. Оша и уезда в годы реакции и нового революционного подъема, ко времени первой мировой войны 1914 г.

Восстание 1916 г. на юге Киргизии

Глубокое недовольство царским правительством, его антинародной внешней и внутренней политикой проявилось, в частности, в стихийных антивоенных выступлениях в Центральной России и на среднеазиатских окраинах страны сразу же после первых мобилизаций запасных солдат. В их длинном ряду — и выступление 21—22 июля 1914 г. на Андижанском сборном пункте призванных в армию крестьян и горожан, у которых дома оставались необеспеченные семьи и несжатый урожай. Среди активных участников антивоенных выступлений в Андижане власти особо отмечали мобилизованных из поселков южной части Киргизии, призванных в Джалал-Абадском и Кугартском участках.

В августе 1914 и осенью 1915 г. бастовали сулюктинские горняки, хотя это грозило им

отправкой на фронт, недовольство зрело и среди рабочих Ошского хлопкоочистительного завода, где работали преимущественно узбеки и киргизы.

Положение трудящихся сельчан и горожан значительно ухудшалось с каждым месяцем войны в связи с нараставшей хозяйственной разрухой, денежной инфляцией, острой нехваткой и дороговизной продуктов и товаров первой необходимости. На их спекуляции баснословно наживались торговцы, кулаки и баи, грели руки и чиновники из уездно-городских органов власти, ведавшие продовольственным делом. Трудовое коренное население Оша и уезда, как и всего Туркестанского края, особенно страдало от непомерно тяжелого налогового гнета. Царизм, всегда опасавшийся введения воинской повинности для «инородцев» (так презрительно именовали чиновники коренное население Средней Азии и Казахстана), ввел взамен нее дополнительный военный налог. Это резко ухудшило состояние хозяйства дехкан и городских ремесленников из трудовой части местного киргизского, узбекского и таджикского населения в Ошском и соседних уездах на юге Киргизии. Военный налог, введенный с 1 января 1915 г. на последующее трехлетие, взимался в размере 21% дополнительно с государственных налогов, с городских недвижимых имуществ и промыслового, поземельной государственной подати, государственной оброчной подати и кибиточного сбора. Опутанные долгами у ростовщиков и комиссионеров текстильных фирм, хлопкоробы из Джалал-Абадской волости Андижанского уезда и соседних волостей Ошского и других уездов, выражали недовольство установленными властями низкими ценами на хлопок, которые, как писали джалалабадцы в жалобе туркестанскому генерал-губернатору, не оправдывают даже расходы на обработку хлопковых полей. И это в то время, когда на железные и медные изделия, мануфактуру, чай и другие фабрично-заводские товары и продукты цены баснословно возрастали. Общинники-скотоводы Гульчинско-Алайского района также возмущались низкими ценами на скот и лошадей, которые закупались у них представителями военного ведомства.

Чашу народного терпения переполнил царский указ от 25 июня 1916 г. о наборе «туземцев» на военно-тыловые работы и последовавшие затем инструкции о предоставлении льгот от него представителям низовой администрации, почетным гражданам, духовенству, учащимся медресе и другим эксплуататорским элементам, которые либо освобождались от мобилизации, либо могли выставить себе замену.

Как вспоминал старожил Оша Розахун Ахмедалы, местных трудящихся — жителей его старгородской части, киргизских кишлаков и айлов особенно возмущало, что «богачи и баи, муллы своих сыновей в списки (мобилизуемых.— авт.) не включали, а если попадали в список сыновья богатых, то они или откупались, или покупали бедняка, или заставляли батрака посылать своего сына вместо хозяина». Широкое недовольство народов Средней Азии и Казахстана усилением национально-колониального и социального гнета вылилось в широкомасштабное восстание 1916 г. Началось оно 4 июля в г. Ходженте Самаркандской области, а 8 июля уже перекинулось в Ферганскую область, все уезды которой к 2 июля были охвачены пламенем народного восстания. Причем в Ошском уезде властями отмечались два крупных очага волнений.

В начале июля народные волнения всколыхнули и уездный центр — г. Ош. Здесь у подножья Сулейман-горы собралась десятитысячная масса жителей старого («туземного») города, соседних кишлаков и айлов. Городская и сельская беднота — ремесленники, мардикеры, чайрикеры гневно протестовали против царского указа о принудительной мобилизации коренного мужского населения с 19 до 43 лет на военно-тыловые работы. В ответ на «отеческое» обращение уездного начальника, прибывшего сюда в окружении полицейских приставов и других чиновников, раздавались протестующие выкрики: «Сыновей не дадим!», «Воевать не будем!». А когда аксакалы, муллы и баи заодно с уездно-городскими чиновниками стали увещевать собравшихся и призывать добровольно подчиниться указу ак-падыша («белому царю»), в сторону уездного начальника со свитой и прислужниками полетели камни, кирпичи и палки, что и заставило их поспешно скрыться под защиту солдатских штыков. Зато правдивые слова выступавших затем безымянных народных агитаторов находили, как вспоминали участники этого стихийного собрания Т. Раимходжаев и К. Мирзаев, живой отклик среди узбекской и киргизской бедноты. А говорили они, что царские чиновники и поддерживавшие их волостные, сельские и айльные старшины, городские аксакалы, баи и муллы сообща угнетают местный трудовой люд, друзьями которого являются русские

трудовые переселенцы. Только срочно вызванная властями карательная часть силой разогнала «бунтовщиков», арестовав наиболее активных из них.

Вскоре массовые волнения вспыхнули в ряде кишлаков и айлов в уезде. Особенно острый характер носили волнения, начавшиеся 10—14 июля в Булак-Башинской волости. Восставшие дехкане сел Ходжеват и Чокар на бывшем почтовом тракте из Оша в Андижан группами в 50—200 человек нападали на волостного управителя, сельских старшин и пятидесятников, требуя выдачи списков. Повстанцы громили канцелярии, дома и имущество сельской администрации. Найденные списки мобилизуемых, а также поземельные и долговые документы уничтожали. Расправляясь с ненавистными народу царскими прислужниками из феодально-байской среды, они, однако, как признавали даже царские власти, не причиняли вреда их семьям. В равной мере нигде не пострадали трудовые русские горожане или крестьяне-переселенцы. Все это свидетельствует о том, что национально-освободительное по характеру восстание 1916 г. на юге Киргизии принимало в ряде районов классовую антифеодальную направленность.

Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. в Оше.

Свержение 27 февраля (12 марта) 1917 г. власти царского самодержавия в Петрограде, а вскоре и в Москве восставшими рабочими и солдатами — в большинстве своем одетыми в солдатские шинели крестьянами привело уже в марте к повсеместной в стране победе второй российской буржуазно-демократической революции. Наиболее характерной ее особенностью, как в центре страны, так и на национальных окраинах, включая Туркестанский край с Киргизией, было установление двоевластия. Наряду с самочинными представительными органами власти — Советами рабочих и солдатских, а позднее и возникшими крестьянскими Советами шла организация Временного буржуазного правительства в Петрограде и его многочисленных городских и сельских органов на местах (буржуазных исполкомов и т. п. комитетов). Столь замечательно своеобразное, сложное и противоречивое политическое положение создалось повсеместно в результате победоносной Февральской революции 1917 г., которая, по выражению В. И. Ленина, «пошла дальше», чем обычная буржуазно-демократическая революция.

Попытки туркестанского генерал-губернатора Куропаткина и всей подчиненной ему администрации скрыть от народа победу революционного восстания над царизмом, не допустить дальнейшего революционирования масс и коренных перемен в управлении

краем, оказались тщетными. Наиболее яркими проявлениями революционной борьбы трудящихся масс были их безудержный гнев против прогнивших старорежимных порядков и ставленников царизма, организация в горном крае, как и по всей стране, Советов, идея которых возникла еще в огне первой народной революции 1905—1907 гг. Когда будоражащие вести о революции в Центральной России достигали среднеазиатских городов и селений, железнодорожных станций и шахтерских поселков, трудовое население их захватывала широкая волна политических митингов и собраний, массовых манифестаций и демонстраций, начиная от Ташкента, где уже в первых числах марта возникли Советы рабочих и солдатских депутатов, и кончая горными аилами на юге Киргизии. Их участники требовали немедленного смещения царских ставленников, разгона ненавистной полиции и жандармерии, освобождения политзаключенных, выступали в поддержку первых Советов, требуя справедливого демократического решения рабочего, аграрного и национального вопросов.

Когда 4 марта 1917 г. шахтеры Кызыл-Кийского рудника узнали о революционных событиях в стране и краевом центре, они послали своих представителей в областной город Скобелев (ныне г. Фергана), чтобы удостовериться в подлинности этих известий, а по возвращении своих посланцев 6 марта на общем собрании избрали первый в Киргизии рабочий Совет. В его состав вошла возглавляемая И. Е. Едренкиным группа революционно настроенных рабочих. Накануне этого кызылкийцы сорвали попытку администрации создать Совет («Комитет») хозяйских ставленников, во главе с инженером, где был всего лишь один рабочий. Все же в Совет прошло несколько соглашателей-эсеров, тормозивших его работу в дальнейшем.

Позднее, чем кызылкийцы, о революционном перевороте в столице и создании Советов в Петрограде, Ташкенте и Ходженте (ныне г. Ленинабад Таджикской ССР) узнали от солдат Ходжентского гарнизона горняки Сулюкты. Когда горнопромышленники, прибегнув к помощи полиции, воспрепятствовали рабочим собрать митинг для избрания своего Совета, сулюктинские шахтеры, возглавляемые революционером-большевиком Д. Т. Декановым, обратились за помощью в Ходжентский Совет солдатских депутатов и при содействии его представителей 16 марта избрали рабочий Совет рудника.

Не остались в стороне от бурных политических февральско-мартовских событий 1917 г. трудящиеся Оша и его уезда.

Как ни пытались напуганные победой Февральской буржуазно-демократической революции в центре страны краевые и областные власти Туркестана, как и уездные власти в Оше и других городах Ферганской области, скрыть от населения ошеломляющие известия о свержении самодержавия, вести доходили до трудящихся городов, селений, глухих кишлаков и горных айлов, вызывая ликование и торжество трудящихся. Как только известия о революционных переменах в Центральной России и Ташкенте достигли Оша, здесь, как и в других городах Киргизстана, состоялись многочисленные митинги и демонстрации. Как вспоминает очевидец революционных событий февраля — марта 1917 г. в Оше и участник гражданской войны на юге Киргизии Д. В. Кордуб, об отречении Николая II от престола солдатам гарнизона сообщил демократически настроенный полковник, бывший фронтовик Бабицкий, который объявил, что офицеров следует теперь называть без дворянских титулов, а просто господин капитан, полковник. Умеющим читать солдатам были розданы листовки с текстом «Марсельезы», а вместо молитвы на пасху у гарнизонной церкви они пели «Отречемся от старого мира». Солдаты были предупреждены о необходимости быть начеку, и о том, что, если полиция и жандармы не сдадут добровольно оружия, разоружить их надо будет силой.

По сообщению газеты «Туркестанское слово», 10 марта трудящиеся «русской» и «туземной» частей города — русские, узбеки и киргизы совместно с солдатами Ошского гарнизона в едином порыве двинулись к городской тюрьме освободить томившихся там узников — повстанцев 1916 г. и других политзаключенных. Из рук революционного народа получили свободу свыше 300 противников царизма. Это было одно из волнующих

проявлений массовой интернациональной солидарности трудящихся в ходе Февральской революции на юге Киргиза. Наряду с рабочими как активная революционная сила в крае проявили себя отпускные солдаты-фронтовики, ратники из тыловых ополченческих дружин, местных воинских команд и гарнизонов в Оше, Гульче и других крупных населенных пунктах края. «Полиция, стражники и жандармы обезоружены, — рассказывалось в корреспонденции из Оша в большевистской «Правде» 23 марта 1917 г. о бурных событиях тех дней на местах. Происходили демонстрации войск с красными знаменами и лозунгами «Да здравствует свободная Россия!».

Энергия пробудившихся повсеместно к политической деятельности масс проявилась в их стремлении установить свои, народные органы власти и скорее ликвидировать царские порядки и их блюстителей.

В первое время после Февральской революции при отсутствии в Оше оформленной социал-демократической организации, немногочисленности и разобщенности по мелким производствам и мастерским рабочих и ремесленников, неорганизованности окрестного трудового крестьянского населения — переселенческого и коренного, особенно нуждавшегося в политическом просвещении, как наиболее действенная революционная сила проявили себя демократически настроенные солдаты. Уже 14 марта 1917 г. на общем собрании в городе был создан Союз солдат Ошского гарнизона, впоследствии (с 24 марта) называемый Советом, были избраны также свои ротные комитеты. Союз состоял из 17 депутатов, избранных путем прямых выборов и тайным голосованием: 1 делегат от 50 солдат. Однако в него попали и два офицера — половина командного состава гарнизона, а первым председателем Союза стал прапорщик эсер Ветовецкий. Это уже само по себе может служить показателем все же слабой политической сознательности солдат и их доверчивости к новоявленным «защитникам» свободы в лице эсеров и меньшевиков.

По решению Ошского Совета солдатских депутатов от 27 апреля 1917 г. в городе впервые в знак солидарности с Советами Петрограда и Москвы отмечался праздник всех трудящихся — I Мая. Он проходил под лозунгом «Братство всех народов и требование декрета о восьмичасовом рабочем дне!». В этот день по центру города к церковной площади, где в 10 часов утра состоялся общегородской митинг, прошли во главе со знаменосцами колонны солдат местного гарнизона, городская и кишпачная (из окрестных селений) беднота. Собравшиеся граждане услышали о борьбе трудящихся за свое освобождение и об истории возникновения первомайского праздника. От коренного населения на митинге выступали революционеры-большевики Б. Султанов и К. Кабулджанов.

Наиболее стойко линию на защиту интересов трудящихся в крае проводили в своей практической деятельности рабочие Советы Сулюкты и Кызык-Кия. Весной и в начале лета 1917 г. Ошский, Ходжентский и другие уездно-городские Советы, охватывавшие своим влиянием и население южнокиргизских районов, также первоначально действовали как революционно-демократические органы власти: смещали наиболее ненавистных народу царских чиновников, заменяли полицию народной милицей из революционно настроенных солдат, поддерживали введение явочным порядком 8-часового рабочего дня на предприятиях, пытались контролировать управление городским хозяйством и снабжение продовольствием населения и т. п. Однако эсеро-меньшевистское руководство местных Советов, пользуясь еще бессознательно-доверчивым отношением трудящихся к соглашателям-оборонцам, тормозило развертывание революционно-демократических преобразований и добровольно уступало свою реальную власть возникавшим и укреплявшимся при помощи всех антинародных элементов органам власти Временного буржуазного правительства.

Радостные, хотя на первых порах и смутные, слухи о падении ненавистного киргизскому и всем другим угнетенным народам Средней Азии самодержавного строя, «белого царя» неудержимо распространялись и в узбекских, таджикских кишлаках Восточного Приферганья, достигая и киргизских аилов Памиро-Алая. Трудовое дехканство восторженно приняло приход долгожданных «дней свободы» и организовывало по этому поводу торжества и праздники (саиль), куда приглашались русские горожане и рабочие.

А тем временем городская буржуазия и чиновная интеллигенция, старорежимное офицерство, кулаки-колонизаторы в уездах при поддержке организующихся (в противовес возникавшим Советам и союзам демократических слоев населения) буржуазно-националистических элементов спешно формировали свои уездно-городские, а затем и

сельские органы власти. В северной части Киргизии последние назывались исполкомами общественных организаций, в южной — комитетами общественной безопасности. Они безоговорочно поддерживали антинародную по своей сути, но прикрывавшуюся поначалу якобы левой, лжереволюционной фразеологией, политику Временного буржуазного правительства и послушных его воле краевых и областных органов власти и назначаемых ими в уезды и на места комиссаров.

В марте 1917 г. и в Оше был создан первый на юге Киргизии Комитет общественной безопасности, а в мае такие Комитеты функционировали в Ак-Буринской, Алайской, Гульчинской, Узгенской, Джалал-Абадской и других волостях Южной Киргизии, руководство в них захватили представители байманапской верхушки. Действуя заодно с Временным правительством, которое не хотело дать народам многонациональной России ни мира, ни хлеба, ни настоящей свободы, они противодействовали нарастанию революционного движения в крае, в частности, демократическому решению национального вопроса. Причем Временное правительство совсем не намеревалось удовлетворять первоочередные требования киргизского народа, которые содержались в телеграммах из киргизских волостей в Петроград: разрешить возвратиться в родные края киргизским беженцам — повстанцам 1916 г., «поставить крест» на намеченном еще царским правительством выселении киргизов с их исконных плодородных земель в бесплодные «Занарынские горы», распустить по домам рабочих-тыловиков, мобилизованных в 1916—1917 гг. по царскому указу на прифронтовые работы. Начинаясь уже самовольного бегства последних с тыловых работ, а также дорожных, ирригационных и других работ в крае, где киргизы-тыловики общались с революционно настроенными русскими рабочими, а некоторые даже принимали участие в Февральской революции в ряде городов России, Украины и Белоруссии, вполне обоснованно опасалась феодально-байская и мусульманская верхушка в аиле. Возвращавшиеся в Ош, Узген, Джалал-Абад, Сузак и другие селения и кишлаки тыловые рабочие принимали сторону туркестанских большевиков в их борьбе за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Таким образом, в Оше и уезде, соседних районах, как и повсюду в крае и в стране в целом, в результате победы Февральской революции, хотя и позднее, чем в центре, установилось двоевластие, переплетение двух диктатур — революционно-демократических и буржуазных органов власти. Причем и здесь последующее возрождение Советов, эсеро-меньшевистское руководство которых пошло на предательство интересов рабочих и крестьян, уступая позиции рвавшейся к установлению, единоличной власти контрреволюции, происходило по мере большевизации Советов, на путях борьбы за победу идей Великого Октября в горном крае.

Установление Советской власти на территории Кыргызстана

Установление Советской власти на территории Кыргызстана происходило в чрезвычайно специфических условиях.

После победы вооруженного восстания в Ташкенте Советская власть установилась в южных районах Кыргызстана. Первыми пунктами, где воцарила власть Советов, были Сулюкта и Кызыл-Кия. Рабочие этих копий были наиболее организованными и сплоченными, имели тесную связь с солдатами местных гарнизонов и рабочими Петрограда, Москвы и Ташкента. К весне 1918 года по всему Исфанейскому участку Ходженского уезда, в который входили районы Сулюкты, Советы были созданы в волостях, аилах и кышлаках.

Активное участие в установлении Советской власти на территории Кыргызстана приняли: Ю.Алиев, А.Г.Аношин, Дж.Бапаков, В.Галиев, Н.С.Иванов, А.Кадыров, Х.Мусбаев, К.Сарыкулов, Х.Хасанов, И.Худайбергенов, Г.И.Швец-Базарный и другие.

Приобретение Кыргызстаном независимости явилось событием эпохального значения. Оно поставило нашу республику в один ряд с другими независимыми странами, дало возможность войти в мировое сообщество и развивать с ним на равных всесторонние и взаимовыгодные сотрудничество. Это возродило на новой основе чувство чести и достоинство народа.

Самосознание кыргызов в советский период их истории было самосознанием людей в очень сильной мере отождествляющих себя с великим народом, чувствующих себя частью великого народа, гражданами целостного многонационального государства. Национальная государственность это великая историческая ответственность не только за свою национальную судьбу и за судьбу представителей всех этносов образующих вместе с кыргызами единый народ Кыргызстана. Кыргызстан был “неизвестной республикой”, теперь с этой республикой сотрудничают многие страны мира. Независимость налагает громадную ответственность за все, что делается в нашей стране сегодня, за все, что с нами будет завтра, за наше будущее.

Почти одновременно с победой советской власти на юге Кыргызстана, она установилась и в Таласской долине, входившей в Аулие-Атинский уезд Сыр-Дарьинской области. 1 декабря 1917 года в Аулие-Ате состоялся первый съезд Советов крестьянских депутатов Аулие-Атинского уезда. Съезд закрепил победу Советской власти в уезде.

Приобретение Кыргызстаном независимости явилось событием эпохального значения. Оно поставило нашу республику в один ряд с другими независимыми странами, дало возможность войти в мировое сообщество и развивать с ним на равных всесторонние и взаимовыгодные сотрудничество. Это возродило на новой основе чувство чести и достоинство народа.

Самосознание кыргызов в советский период их истории было самосознанием людей в очень сильной мере отождествляющих себя с великим народом, чувствующих себя частью великого народа, гражданами целостного многонационального государства. Национальная государственность это великая историческая ответственность не только за свою национальную судьбу и за судьбу представителей всех этносов образующих вместе с кыргызами единый народ Кыргызстана. Кыргызстан был “неизвестной республикой”, теперь с этой республикой сотрудничают многие страны мира. Независимость налагает громадную ответственность за все, что делается в нашей стране сегодня, за все, что с нами будет завтра, за наше будущее.

Руководство Бишкекском Совете со времени его образования в марте 1917 г. до января 1918 г. находилось в руках эсеров. 1 января 1918 г. председателем Совета был избран большевик Г.И.Швец-Базарный. Со сменой руководства в корне изменилась политика Совета. С середины января того же года Совет стал полностью большевистским. 24 (11) февраля 1918 г. открылся Бишкекский уездный съезд Советов. Съезд признал Советскую власть. Таким образом, Бишкек первым в Семиреченской области признал власть Советов.

В 1917-1923 гг. были созданы основы кыргызской советской государственности. В 1924 г. произошло национально-государственное размежевание Средней Азии. В результате 14 октября 1924 г была образована Кара-Кыргызская автономная область в составе РСФСР (25 мая 1925 г. постановлением ВЦИК она была переименована в Кыргызскую автономную область). Этим закончился этап создания кыргызской советской национальной государственности в форме автономной области.

Установление Советской власти на территории Кыргызстана вызвало гражданскую войну. В ряде населенных пунктов горного края – в селах Дмитриевском Таласской долины (29 августа 1918 г.), Беловодском Бишкекского уезда (6-28 декабря 1918 г.), Тюп Пржевальского уезда (26-30 июня 1919 г.), в городе Нарыне (5-22 ноября 1920) вспыхнули мятежи. Однако Советская власть разгромила мятежников. На юге Кыргызстана развернулось басмаческое движение.

К осени 1918 г. органы Советской власти были созданы на всей территории Кыргызстана.

После победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде 25 октября (7 ноября) 1917 года и в Ташкенте 1(14) ноября 1917 года Советская власть вначале была установлена на юге Кыргызстана – на угольных копях Сулюкты и Кызыл-Кия, в Таласе. В январе – феврале 1918 года власть к Советам перешла в Бишкекском уезде, в апреле – в Нарыне, в мае-июне 1918 года – в Пржевальске. Так к середине 1918 года Советская власть была установлена на всей территории Кыргызстана. Началась новая страница в истории Кыргызстана.

Стилистика и грамматика авторов сохранена.